

⁹⁵ И бросился же Федор Хиринец
За сударыней своей матушкой;
И взял он книгу Евангельску.
Пришел на Сине-море,
Раскрыл книгу Евангельску;

¹⁰⁰ И стал читать об матушке.

И пошел он по Синю-морю,
Ровно по суху;
И нашел он свою матушку
У люта змея в горах:

¹⁰⁵ Сосут ее груди люты змеи.

И взял он ее на головушку,
И вынес на крут бережок:

– Сударыня, моя матушка!

Будет ли мое похождениеи

¹¹⁰ Супротив твоего порожденьица? –

– Милый мой сыночек, Федор Хиринец!

Твое-то похождениеи еще толюк

Супротив моего ношеньица. –

И пал он к ней на коленочки:

¹¹⁵ – Сударыня, моя матушка!

Поставь мое малое за великое!

Литература

Бахтина 1997 – Бахтина В.А. Духовный стих в материалах экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга» (1926 – 1928 гг.) // Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. мат. науч.-практ. конф. М., 1997. Вып. 1. С. 154–166.

Бахтина 2002 – Бахтина В.А. Федор Тирон в письменно-устной традиции и иконографии // Литература, культура и фольклор славянских народов. XIII Междунар. съезд славистов (Люблина, август 2003 г.). Доклады рос. делегации. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 336–350.

Карпов 1880 – Карпов А.В. Кустарные промыслы в Арзамасском уезде // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности. 1880. Вып. VI, отд. 2.

Коробова 2002 – Коробова А.В. «Он поёт стихи херувимские, превозносит гласы архангельские...». Святые воины духовных стихов: Федор Тирянин (Федор Тирон) и Егорий Храбрый (Георгий Победоносец) // <http://religion.russ.ru/authors/korobova.html> (2002).

Потявин 1960 – Потявин В.М. Собрание и изучение фольклора Нижегородского Поволжья в XIX веке // Народная поэзия Горьковской области. Вып. 1 / Сост. и ред. В.М. Потявин. Горький, 1960. С. 371–472.

Потявин 1961 – Памятка студенту-филологу, проходящему производственную практику по устному народному творчеству. (По следам собирателя А.В. Карпова) / Сост. В.М. Потявин. Горький, 1961.

Сокращения

Бессонов – Калики переходные. Сб. стихов и исследование П.А. Бессонова. М., 1861 – 1864. Т. 3.

ГАГО – Государственный архив Горьковской области.

ЦАНО – Центральный архив Нижегородской области.

Якушкин – Русские народные песни, собранные П.И. Якушкиным. СПб., 1860.

Ю.М. ШЕВАРЕНКОВА

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ЖИТИЕ СЕРАФИМА САРОВСКОГО¹

«Серафим Саровский почти такой же святой, как Иисус Христос».

(Зап. в 2001 г. от Пелагеи Ивановны Вилковой, 1931 г.р., д. Вилки Вознесенского р-на; dvc 015²).

В галерее нижегородских общецерковных и местночтимых святых, новомучеников за веру, монастырских стариц и деревенских старцев особое место занимает фигура Серафима Саровского (1759 – 1833). Популярность его личности обусловлена не только тем, что в селе Дивеево Нижегородской обл. (Дивеевский р-н) находится женский монастырь, выросший из небольшой мельничной общинки, организованной Серафимом Саровским, не только гордостью за «своего», местного святого, прославившегося на всю Россию и даже весь мир, но и особым трепетным отношением к «батюшке Серафимушке» – помогающему во всех бедах старичку «сгорбленному такому, с сумочкой и с палочкой» [Шеваренкова 2004, 99], как будто сошедшему с типовой домашней иконки.

Первое «Житие Преподобного Серафима Саровского» было написано в середине XIX в., более чем за полвека до официальной канонизации святого [Елагин 1863]. Чуть позже вышло еще несколько более или менее полных вариантов его жития [Дмитриев 1903; Денисов 1904; Поселянин 1908], а также «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря» Леонида Чичагова, большая часть которой отдана детальному исследованию биографии Серафима Саровского [Чичагов 1896]. Сейчас житие святого растиражировано в многочисленных церковных и популярных изданиях.

Любое житие – неизменный канонический текст, предлагающий идеализированный и

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента России (№ МК-3086.2004.6).

² Используемые в статье материалы получены в ходе совместных экспедиций «Фонда Св. Франсиска и Св. Серафима» (Кембридж) и ННГУ (2001 – 2002 гг.). Все цитируемые материалы хранятся в Центре фольклора филологического факультета. Принятые обозначения: ac – цифровая аудиокассета, dvc – цифровая видеозапись, аудиозапись – запись, сделанная на обычный диктофон (без нумерации кассеты).

строгий облик святого, вся жизнь которого с младенческих лет и до кончины подчинена идее подвижнического служения Богу и людям. Книжное житие (точнее, жития) Серафима назвать единым каноническим текстом было бы неправильно. Автор каждого следующего жизнеописания этого святого, опираясь на предшественника, часто «спорит» с ним о деталях и датах того или иного события, а небольшой разрыв во времени между жизнью святого и написанием его житий, появление новых «свидетельств очевидцев» подвижнической жизни старца позволяет авторам вводить в житийное повествование всё новые и новые факты. И хотя все «агиографы» Серафима Саровского едины в описании общей последовательности событий жизни своего героя, каждый раз его житие расширяется до масштабов настоящей детальной биографии.

Устное фольклорное житие³ мало соотносится с книжным. Оно не дает подробной биографии святого, «выбирая» лишь наиболее яркие, поражающие самого рассказчика эпизоды, с разных сторон характеризующие уникальную личность Серафима, его человеческие качества и необычные способности. Нередко точные знания заменяются расплывчатыми, иногда ассоциативными представлениями о святом: «Серафим Саровский почти такой же святой, как Иисус Христос» (зап. в 2001 г. от Пелагеи Ивановны Вилковой, 1931 г.р., д. Вилки Вознесенского р-на; дсв 015); «Серафима Саровского называли пасхальным старцем, так как он при встрече всем говорил: "Христос воскрес, радость моя!"» (зап. в 2001 г. от о. Георгия, 1940 г.р., с. Малое Череватово Дивеевского р-на; аудиозапись).

Зачастую можно услышать народные рассказы о жизни Серафима Саровского, представляющие собой краткие несюжетные истории-обобщения, в которых рассказчик не столько высвечивает одну из сторон личности или жизни святого, сколько схематично набрасывает собирательный его портрет в достаточно скупых словах и неярких красках: «Преподобный жил в Сарове, там у него была пустыня⁴. Кто-то ведь его уважал, а кто-то ведь

и насмехался над ним. Его избili однажды, так он еле-еле жив остался. Добрые люди помогли ему, а которые и насмехались, чё говорить. Жил он ведь на черном хлебушке и на водичке. И стоял на коленках на камне, и Богу молился день и ночь. Медведь-то – это суцая правда, рассказывают старики. Есть картинка – причудлиго его. Другой бы задрал его... А он ему давал кусочек хлеба, сам не ел, а ему давал. И он навещал его, понимаете?» (зап. в 2002 г. от Марии Ивановны Еськиной, 1931 г.р., с. Вертьяново Дивеевского р-на; дсв 139).

Подобные рассказы информативного характера передают уважительное, восхищенное или сочувственное отношение к «Батюшке». Они не заостряют внимания на отдельных ярких событиях его биографии, но почти всегда аккумулируют в себе нити многих сюжетов фольклорных житийных легенд о святом. Впрочем, в общей массе легенд юга Нижегородского края, где Серафим Саровский любим и популярен⁵, а культ его сравним лишь с почитанием в народе высших представителей православного церковного мира (Иисуса Христа и Богородицы), таких нарративов немного. Они уступают место законченным сюжетным рассказам, разносторонне характеризующим облик известного святого на разных этапах его жизни и деятельности.

Можно утверждать, что в формировании корпуса легенд «народного жития» Серафима Саровского сказались несколько факторов.

Во-первых, жизнь и деятельность святого в Нижегородском крае (Сарове и Дивееве). Не случайно в легендах о нем отражены такие моменты его биографии, как жизнь в лесной пустыньке, копанье Канавки, «открытие» святых родничков и камней на территории юга современной Нижегородской обл. До сих пор в устной традиции сохраняются и семейные

ней Пустыни. Пустынь представляла собой удаленное от человеческого жилья, Саровского и Дивеевского монастырей место, где стояла маленькая избушка и куда к старцу приходили дивеевские монахи.

⁵ География народных легенд о Серафиме Саровском в Нижегородском крае нельзя назвать обширной. Она ограничивается лишь югом региона – территорией Дивеевского р-на Нижегородской обл. с его сакральным центром (Серафимо-Дивеевским монастырем) и близлежащими районами – Первомайским, Вознесенским, Арзамасским, откуда еще при жизни Серафима к нему чаще всего приходили паломники и где рассредоточены природные святыни, связываемые с его именем. Далее народный культ святого уходит на юго-запад области (Кулебакский р-н), где муромскими лесами послушник Серафим ходил за денежным сбором на строительство храма и где находится его, пожалуй, самая дальняя святыня – камень в д. Кутузовка.

³ Нельзя не согласиться с тем, что «устное житие» – термин условный [Фадеева 2002, 47]. Записанные от разных людей житийные легенды представляют фрагменты знания о личности святого в народной среде, которые складываются в некую последовательную картину только в сознании собирателя и исследователя. Причем «народный культ святых не требует от носителей традиции адекватного биографического знания о них» [Мороз 2004, 50].

⁴ В лесу Серафим Саровский жил сначала в Дальней, а после нападения разбойников – в Близ-

предания, повествующие о посещении саровского старца кем-либо из предков наших информантов (ср.: «*Это мой дедушка видел...*»).

Во-вторых, наличие книжного жития Серафима, из которого устная традиция «заимствует», убирая излишнюю религиозность и патетику, сюжеты о падении святого-ребенка с колокольни, притчи о научении Серафимом монашек, истории о его прозорливости и даже смерти. Интересно, что на чтение жития святого нам указывают сами рассказчики: «*И вот когда мы были еще не воцерковленные, одна женщина принесла нам книгу про батюшку Серафима, всего на одну ночь, и сказала, что утром заберет ее. Толстенная такая книга, мы с мужем в жизни не читали вот так, за поем. Он прочитал эту книгу за ночь, а я время от времени просыпалась и просила почитать вслух. И всё это прилепилось к моему сердцу: и батюшка Серафим, и Дивеево, камушек, на котором он молился, сестры дивеевские. И у меня появилась тайная мысль: побывать во что бы то ни стало в Дивеево*» (зап. в 2001 г. от Ольги Владимировны Шилиной, 1963 г.р., с. Большое Череватово Дивеевского р-на; dvc 075); «*Я у отца Ивана книжку прочтала, книжка больно уж хорошая про житие отца Серафима... И вот тут все хождения его: как... мужики его били, как он на картинке медведя кормит*» (зап. в 2001 г. от Серафима Федоровича Забродина, 1929 г.р., п. Свободный Вознесенского р-на; dvc 004). Ссылка на книжный первоисточник может трансформироваться в устах рассказчика – впрочем, это лишь единичный случай – в легендарное предание о книгах истинных (которые или были в прошлом, или спрятаны от широкой публики и поэтому недоступны всем) и ложных: «*Я читала летопись, только современную, перепечатанную, там в ней ничего уж нет. – А старая где сейчас? – У кого дама есть – те не показывают. У Фроси-то⁶ была, она ее отдала*» (зап. в 2001 г. от Натальи Павловны Чаплинской, 1920 г.р., д. Осиновка Дивеевского р-на; dvc 032).

Пересказы отдельных эпизодов и даже целых глав жития встречаются в наших полевых записях, однако сделаны они либо от местных краеведов, изучающих биографию Серафима Саровского по различным житиям и архивным документам, либо от людей недавно воцерковленных, увлеченных верой и потому восторженно относящихся к личности Серафима Саровского (среди таких людей много пересе-

ленцев, число которых в Дивеево за последнее десятилетие невероятно выросло, и паломников по святым местам). А вот знание жития святого в народной среде нельзя назвать повсеместным и доскональным; оно, скорее, выборочно: запоминаются лишь те моменты из жизни Серафима Саровского, которые в соотнесении с обычным человеческим бытием кажутся невозможными и потому чудесными.

Третьим фактором, способствующим полному «устному житию» святого, являются традиции его иконописного изображения. Существует много житийных икон преподобного, как бы иллюстрирующих его книжное житие и следующих за ним. Но в любом случае фольклорный портрет Серафима повторяет в общих чертах его непарадный иконописный лик: святой и в легендах предстает добродушным сгорбленным старичком с «*белом балахончиком*», в лапотках, с котомкой и палочкой⁷.

Четвертой причиной можно назвать огромное количество природных святынь, народной или церковной традицией приуроченных к имени святого: это и серафимова Канавка, находящаяся на территории Дивеевского женского монастыря, около десяти камней его имени и более десяти святых источников, расположенных не только в Дивеевском, но и близлежащих – Первомайском и Вознесенском р-нах. Мы согласны с наблюдением о том, что «в связи с почитанием местных святынь, как правило, и воспроизводятся тексты агиографического характера» [Мороз 2004, 51].

«Официальное» житие любого святого не заостряет подробного внимания на детстве и отрочестве своего героя, создавая портрет несмешющегося и неиграющего ребенка, отмеченного знаком Божиим. В центре внимания оказывается уже сформировавшаяся, зрелая личность, ведущая подвижническую жизнь в особом духовном пространстве. Почти не уделяет внимание детским годам и взрослению своего героя и «официальное» житие Серафима Саровского. Но, как ни странно, первый же эпизод, попадающий в поле зрения его «народного жития», связан именно с его детством: «*Жил он с мамой, мама строила церковь. Ему было семь лет, он залез на колокольню и оттуда упал. Мама в бесчувствии слетела – оказалось, он живой. И идут все святые к церкви и читают. Подошли, прочитали, Господь его исцелил*» (зап. в 2001 г. от Александры Алексеевны Черентаевой, 1926 г.р., д. Досаево Темниковского р-на Республики Мордовия; аудиозапись); «*Преподобный, он маленький был, с*

⁶ Фрося (в монастыре Маргарита) – последняя монахиня старого Дивеевского монастыря, дожившая до возрождения этого монастыря в 1990-е гг.

⁷ О фольклорном портрете «*батюшка Серафимушка*» см.: [Корепова 2004, 199–200].

колокольни упал. Колокольня у них вон какая высокая. И оттоль упал и цел-невредим стоит на ножках. Вот все: "Расшибся, расшибся!". А он встал на ножки и стоит. Вот я слыхала это всё» (зап. в 2002 г. от Натальи Михайловны Корноуновой, 1912 г.р., с. Кошелиха Первомайского р-на; dvc 154); «Он залез на колокольню и упал. С матерью были. Мать его ведут под руки: "Ой, не живой!". Плачет. Подошли, а он живой. Видно, в нем Господь ангелов послал уж с детства» (зап. в 2001 г. от Марии Васильевны Ганиной, 1920 г.р., д. Канерга Дивеевского р-на; аудиозапись); «Он из Курска, его раньше звали Прохором... у него мать была Агафия. Ему семь лет было, у него отец умер... Церковь они не доделали с отцом, доделали с матерью. И он упал с церкви, думали – всё, наверно, ушибся. Упал, подошел: "Мама, не беспокойся, я ни в чем невредимый". Не ушибся – святой» (зап. в 2002 г. от Александры Егоровны Бофановой, 1924 г.р., д. Михеевка Ардатовского р-на; ac 022).

Известно, что Прохор Мошнин (мирокское имя преподобного) родился и до ухода в монашество жил в Курске. Логично предположить, что передающиеся из поколения в поколение легенды о его детских годах не могут быть достоянием фольклорной традиции Нижегородского края. Народные легенды о детстве нашего героя явно соотносятся с соответствующим эпизодом книжного жития Серафима Саровского, но вот их интерпретация различна. В «Житии Преподобного Серафима Саровского» падение Прохора с колокольни и его невредимость служат своего рода знаком, первым указанием на необычность ребенка [Денисов 1997, 28]. Устную же легенду явно интересует не символичность этого случая, а его невозможность. Главной в рассказах становится радость за спасение ребенка, а на первый план выходит образ матери Прохора и сочувственное отношение к ней рассказчика. Образ матери намечен несколькими штрихами, доминирует его эмоциональная составляющая. Рассказчик передает состояние страдающей и напуганной женщины через описание ее порывистых действий и взволнованных слов: «Мама в бесчувствии слетела»; «Мать его ведут под руки: "Ой, не живой!". Плачет»; «Вот все: "Расшибся, расшибся!"». Состояние ребенка после падения, напротив, описано лаконично и скупно: «Оказалось, он живой»; «Упал и цел-невредим стоит на ножках».

Попал в поле зрения устной традиции и эпизод благословения Серафима Саровского (в то время еще Прохора Мошнина) матерью на иноческую жизнь: «В нем уже с детства была заложена божья искра, святиня... И

вдруг чего случилось с ним: он упал с колокольни. И явилась Мать Божья, и она его исцелила. И он запомнил и с тех пор стал рваться в монастырь. Он не знал, как свою судьбу устроить. И вот собрались из иного села четверо в Лавру. И он тоже собрался, а мать не хотела его отпускать, но все-таки надела крест, который он носил до самой смерти, не снимая» (зап. в 2001 г. от Анастасии Владимировны Фадеевой, 1935 г.р., с. Тёплого Кулебакского р-на; dvc 065)⁸. Близость этого сюжета народной традиции обусловлена, на наш взгляд, именно «человеческим фактором» – присутствием в них образа матери Серафима, переживающей за сына, а также упоминанием об отношении к ней Серафиму, никогда не снимавшего ее крест⁹.

Приход в Саровский мужской монастырь и жизнь в нем, устройство Дивеевской женской мельничной общины – эти события и этапы жизни святого, описанные в его житии, не освещены в народных легендах. Устную традицию не интересуют внутренняя, потаенная духовная жизнь святого. Впрочем, повседневная жизнь в монастыре была скрыта от посторонних глаз и потому не известна в народе. Однако за границами «народного жития» остаются и явления монаху Серафиму Богородицы. О них можно услышать лишь из уст священнослужителей или неопитов (последние вообще любят говорить об опыте «общения» с Богородицей или Серафимом Саровским, в том числе и собственном). И это при том, что различные легенды-«видения» и легенды-«явления» популярны в народе и являются важной составляющей циклов нарративов о том или ином почитаемом природном или культурном объекте, местночтимом старце или общерусском святом. Казалось бы, с рассказами о визитах к Серафиму Саровскому Богородицы

⁸ Тот же сюжет см.: [Денисов 1997, 33].

⁹ Интересно, что в отдельных легендах верующим и благочестивым родителям святого (его отец был купцом), построившим в г. Курске церковь, дается отличная от жития характеристика: «Он из простой такой семьи. Отец его был неверующим, мать тоже не очень верила» (зап. в 2001 г. от Жени Синдеревой, 1986 г.р., с. Дивеево; dvc 032). Такая характеристика способствует созданию положительного образа Прохора Мошнина, праведная жизнь которого сложилась как бы вопреки тому, что он видел у себя дома. Жития многих подвижников и святых нового и новейшего времени акцентируют внимание на неверующих или не достойных уважения родителях своих героев. Из давних примеров можно вспомнить «Житие протопопа Аввакума», из новейших – житие блаженной XIX в. Пелагии Серебрянниковой, мать которой, устав от чудачеств дочери, практически продала ее в Дивеевский монастырь.

ситуация должна быть та же. Однако этого не происходит, на наш взгляд, в силу нескольких причин. Во-первых, многократные явления Богородицы святому (она посещала его двенадцать раз) слишком далеки от народного восприятия образа святого, интересного прежде всего в качестве необычного человека и чудесного помощника во всех бедах. Во-вторых, фольклорные «видения» и «явления» почти всегда сопряжены с фактами биографии и личным религиозным опытом самого рассказчика и потому всегда детализированы и эмоциональны. Кроме того, фольклорные рассказы о «видениях» и «явлениях» часто повествуют о результативности чуда (последующем исцелении, разрешении бед после совета святого), в то время как роль Богородицы в жизни Серафима Саровского – это роль его вечной спутницы и хранительницы, помогающей в совершении духовных подвигов.

Следующий этап жизни Серафима Саровского, освещенный в народных легендах, связан с его отшельничеством в саровском лесу. Казалось бы, этот добровольно взятый на себя религиозный подвиг также не должен был заинтересовать устную фольклорную традицию, чуждую отвлеченных рассуждений. Однако именно лесная жизнь Серафима более всего привлекает рассказчиков. В «Житии Преподобного Серафима Саровского» глава о пустынножительстве святого включает в себя рассказы о его Дальней Пустыньке, кормлении дикого медведя, молитвенном подвиге на камне и драматичной странице жизни Серафима – нападении на него разбойников¹⁸. Именно эти темы являются излюбленными в «народном житии» святого, распадаясь на ряд самостоятельных сюжетов. Ср.: «Он в Сарове был, у него там избёшка была, у него землички было маленько, он эту земличку ухаживал» (зап. в 2001 г. от Татьяны Михайловны Беляковой, 1921 г.р., с. Автодеево Ардатовского р-на; аудиозапись); «Он жил в Сарове и всё время ходил в пустынку: там у него была мельница, ключик. Он дрова колал. У него ничего не было, только зипун и топорик. Он ничего не боялся – ни голода, ни холода. Он только на Бога надеялся, и Божья Мать с ним была. Потом он ушел в лес, в Саров» (зап. в 2001 г. от Марии Васильевны Аввакумцевой, 1915 г.р., п. Свободный Вознесенского р-на; dvc 018); «... Мельница у него там была, муку сам молал. Он всё терпел, он так детём жил, травкой питался» (зап. в 2001 г. от Анны Сергеевны Бобковой, 1919 г.р., с. Дивеево; dvc 018); «Серафим Саровский жил в пустыне, вот он трудился,

дрова колал. Ничего у него не было, бедный он был. Топорик у него был, да чузунок, да сумочка, да Божья Мать была на сосне. Вот где Цыгановка – там была его мельница. Он из Сарова ходил пешком» (зап. в 2001 г. от Райсы Алексеевны Саксоновой, 1928 г.р., с. Дивеево; аудиозапись); «В Сарове келья была у него... Там лампадка горит, иконка стоит. Грядки у него там – капусту сажал» (зап. в 2001 г. от Прасковьи Васильевны Карпуниной, 1923 г.р., с. Дивеево; dvc 012); «Пустынька была в лесу, он там жил. Молился когда – палы ломались под ним. К нему шли люди больные, он принимал, благословлял, исцелял. Порченые, он принимал, лукавые в них были, храмы, слепые – всех исцелял» (зап. в 2001 г. от Пелагеи Васильевны Митряевой, 1918 г.р., с. Аламасово Вознесенского р-на; аудиозапись); «У него ничего не было. Он питался плохо. Вот принесут ему – хлебец да картошка... Серафим Саровский приходил в церковь и брал сухарики и питался этими сухариками» (зап. в 2001 г. от Екатерины Петровны Тужилкиной, 1918 г.р., с. Дивеево; dvc 001); «Он еще жив был, отец Серафим. Работали в лесу. Едем с возами, а он идет с палочкой. Мы: "Батюшка, далеко?" – "Ко всенощной". Он жил в пустынке. Это мой дедушка видел его... Идет он, сумочка на плече, пешочком» (зап. в 2001 г. от Арины Петровны Семеновой, 1917 г.р., с. Аламасово Вознесенского р-на; аудиозапись).

В таких легендах святой обрисован молчаливым затворником, молитвенником («Молился когда – палы ломались под ним»), в доме которого лишь «лампадка горит, иконка стоит», и скромным нестяжателем, принимающий «храмых, слепых». Как обыкновенный крестьянин, он «земличку ухаживает», занимается грядками с капустой, у него есть мельница, ключик. «Он дрова колал», «муку сам молал». Бедность Серафима подчеркнута в перечислении предметов его быта («зипун и топорик», «топорик у него был, да чузунок, да сумочка»), «в перечень» которых попадает и Божья Мать («на сосне»). Уделено внимание его скудной пище: хлеб, картошка и сухари. Главная черта духовного облика Серафима Саровского – скромность – привлекает к нему народ, создает образ «своего», доступного для понимания святого.

Предметом особого внимания и скрытого восхищения в рассказах и становится пища отшельника Серафима – трава снитка, которой, живя в лесу, он питался: «Братия удивлялась: в течение трех лет он вообще не брал ничего из трапезной монастыря, ел только вот эту снитку – траву. Они удивлялись: чего же он ел? Он сказал: "Возьмите эту траву,

¹⁸ См., например: [Денисов 1997, 75–101].

снитку, помните ее, положите в чугунок и поставьте в печку". Славное выходило кушанье! Кстати, у нас в монастыре в Выксе снитка тоже растет. Я из нее щи варила. Ну, естественно, мы люди грешные, падиши, окажные, мы привыкли жить сладко и сладко есть, вкусно есть. Конечно, и лук я клала, а ведь батюшка одну снитку ел» (зап. в 2001 г. от Анастасии Викторовны Ивановой, 1956 г.р., с. Дивеево; dvc 023)¹¹. Снитка становится символом подвижнической жизни Серафима Саровского, а его постнический подвиг – образцом для подражания. Причем, как часто бывает в народной традиции, впоследствии сила травы начинает осмысляться по аналогии с различными святощами, набираемыми у любой природной святяги: «Питался одной сниткой. Когда ученые взяли на проверку, она очень богата всеми витаминами. Он ее собирал, сушил и заваривал» (зап. в 2001 г. от Евгения Николаевича Сумина, 1926 г.р., с. Малое Череватово Дивеевского р-на; dvc 032). Не случайно сказки пытаются «проверить» подвиг святого («Я из нее щи варила») и найти ему некое разумное объяснение¹².

Легенды следующих сюжетных групп дополняют образ святого-отшельника: «Батюшка-то... жил на Протяжке, в Сарове, с медведем. А медведь, как придет к нему кто, ревет – не любил людей. А батюшка всех любил: "Не реви, – медведю-то, – гости идут"» (зап. в 2001 г. от Анны Сергеевны Бобковой, 1919 г.р., с. Дивеево; аудиозапись); «Вы видели, как он с медведем на картинке-то? Вот это еще бабушки наши ходили или прабабушки. И вот медведь ходил к нему кормиться. Поест захочет и идет. Он ему хлеба выносит. И вот один раз пришла бабушка со внучкой, а он его кормит. А он увидел их из-за деревьев: "У-у-у!". А девушка испугалась, прямо заорала, а он: "Мишка, это ко мне ведь пришли гости, а не к тебе. Ты вот кушать иди. Ко мне когда придут гости, никогда не пужай их. Ты зачем девушку напужал!". Совсем с ним, как с человеком, бакует. И вот медведь помогал – прабабушки, бабушки наши сказали» (зап. в 2002 г. от Натальи Михайловны Корноуховой, 1912 г.р., с. Кошелиха Первомайского р-на; dvc 154); «Вот он когда жил на Дальней Пустынке, к нему приходил медведь, он кормил его хлебом. Из Сарова пришла монашка

за чем-то, за каким-то советом. Из Дивеева туды в Саров к нему. Видит – медведь. Она в кусты спряталась. Вот отец Серафим отдал хлеб медведю-то, похлопал его по плечу и говорит: "Ступай, хватит, пришли вон ко мне. Они тебя боятся". И медведь, говорят, спокойно от него пошел. Это вы не слышали эту историю? Я даже в книжке читала. Рассказывали и раньше. Рассказывали на работе, а я думала, что болтают бабы» (зап. в 2002 г. от Марии Александровны Токаревой, 1933 г.р., с. Глухово Дивеевского р-на; dvc 165); «Приходят к нему монашки туды, и приходит медведь, они чуть не обмерли. А он ему говорит: "Что ты пришел, людей пугаешь? Иди, найди угощение нашим гостям". Медведь, не сказав ни слова, ушел. Через некоторое время приходит: в лапах лопух, в лопухе – мед пчелиный – и дал ему»¹³. И вообще все святые с животными разговаривали» (зап. в 2001 г. от Евгения Николаевича Сумина, 1926 г.р., с. Малое Череватово Дивеевского р-на; dvc 031).

Практически в каждой легенде содержится ссылка на книжный или иконописный сюжет «дружбы» Серафима с медведем («Вы видели, как он с медведем на картинке-то?», «Я даже в книжке читала»). Официальное житие святого уделяет ему немалое внимание и подает взаимоотношения отшельника и животного через призму восприятия монахов и монахинь, приходящих в лес за советом к своему наставнику [Денисов 1997, 83–89]. Впрочем, отсылка на авторитетный источник еще не означает, что он действительно существует. Возможна и обратная ситуация: известно, что жития многих святых создавались по народным легендам, «нередко носившим характер либо натуралистический, либо сказочно-фантастический» [Дмитриев 1972, 183]. На давность устных легенд о Серафиме указывают и сами сказки: «Прабабушки, бабушки наши сказали», «Мать рассказывала», «Рассказывали и раньше».

В общении с лесным зверем проявляется чудесность образа Серафима Саровского. Однако святой приручает дикого лесного зверя не силой веры и убеждения¹⁴, а своей беззащитностью и ласковостью. В одном из расска-

¹³ Сцена, где медведь послушно приносит пчелиные соты, есть и в житии: [Денисов 1997, 85].

¹⁴ Сюжет о приручении святым дикого зверя – один из древнейших в житийной и, шире, в церковной традиции. Достаточно вспомнить об аравийском святом Герасиме и жившем при нем льве, а также о Сергии Радонежском, приручившем медведя, и др. Встречается этот сюжет и в нижегородских легендах о местничимом старце Иоанне, приказывавшем рыбе прыгать к нему в суп [Шеваренкова 1998, 67].

¹¹ О наставлении старца употреблять в пищу снитку см.: [Чичагов 1896, 77].

¹² Ср. с многочисленными ссылками на научное изучение святой воды и обнаружение в ней йода или серебра, которые мы фиксировали при исследовании народного культа святых источников [Шеваренкова 2004, 147].

зов Серафим вообще предстает в облике мистического хозяина диких зверей, сравнимого, пожалуй, только с образом Егория¹⁵, собирающего у костра по ночам волков и ведающего всей домашней скотиной человека: «А каким он молитвенником был – все звери к нему приходили в полночь!» (зап. в 2001 г. от Анастасии Викторовны Ивановой, 1956 г.р., с. Дивево; dvc 023). Ссылка на кормление Серафимом диких зверей есть и в его житии (см.: [Чичагов 1896, 76]). Интересно, как в тексте комбинируются взаимоисключающие характеристики святого, одна из которых явно народная (звери приходят к святому в полночь), другая – церковная («молитвенник»). Однако рассказчику важно не только показать удивительную способность своего доброго героя укрощать дикую природу: кормление медведя показано через реакцию на это обычных людей («Она в кусты спряталась»; «А девушка испугалась, прямо заорала»; «Монашки... чуть не обмерли»). И если медведь для Серафима становится другом в его лесном одиночестве, то для всех остальных он по-прежнему страшен. Важную роль в подобных легендах, как и в рассказах о падении с колокольни, играет эмоциональная речь героев. Слова святого, обращенные к медведю, отличаются простотой и убедительностью. Серафим укрощает зверя, «похлопав его по плечу» и называя «Мишкой»; ласково и снисходительно, как несмышленного ребенка, журит его за то, что тот невольно пугает своим видом посетителей («Ступай, хватит, пришли вон ко мне»; «Ты вот кушать иди... Зачем девушку напугал?»), и даже просит найти для гостей угощения.

Наиболее популярен драматический сюжет о нападении на святого деревенских разбойников, перекликающийся с эпизодом его официального жития: «Его били до смерти, эти кременские, они его избили. Он припалз, его встретили. Игумен старший хотел найти виновников, но он не пожелал. Они его били, просили денег. Он говорит: "У меня ничего нет, акромья сухого хлебушка". А он не брал денег... Он только рыбку наловит, и то не ел свежую, чтобы невкусно было. Он не наказал их. Но когда они пришли дамой, все дама у них сгорели. За то, что они хотели обидеть Серафима, Господь их обидел» (зап. в 2001 г. от Пелагеи Васильевны Митряевой, 1918 г.р., с. Алмасово Вознесенского р-на; аудиозапись); «Он бы должен был их как возненавидеть! А он их из тюрьмы вытаскивает! Но Матьер Божья наказала их: она их ослепила. Они при-

палзает к нему, он их умывает святой водой – они прозрели, эти убийцы. Дает каждому по золотому и говорит: "Вы грешники, но вы совершили этот грех не добровольно. Вы пошли не от хорошей жизни убивать меня". Он своим незлобием дух злобы победил» (зап. в 2001 г. от Петра Филипповича Аксенова, 1914 г.р., с. Кременки Первомайского р-на; dvc 019); «Избил его, думали, у него деньги есть, а у него денег всё равно... кто ему давал, так он их в монастырь отдавал. У него только была эта... книжка святая, эта, как ее, – Евангелъе, Евангелъе и больше ничего у него не было. ... И они его избили здорово. И он даже руку не поднял: "Бейте, чё хотите со мной делайте!". У нё в руке топор был – он его бросил... Они на нё набросились, избили, видно, здорово. Он лежит, думали, умрет. А потом к нему, это... ночью Царица Небесная пришла. Не одна, а с своей святой. Гадали, что будет, ведь он нужен людям. С разбойниками что-то тоже случилось, ... их Господь наказал...» (зап. в 2001 г. от Галины Михайловны Домниной, 1930 г.р., с. Выездино Арзамасского р-на; ac 042); «Тогда еще были пняношки-то: "У него, чай, денег много, ему, чай, таскают денег". И вот собрались трое или четверо – не знаю, сколько. И пошли у него денег просить: "Давай денег". – "Нет у меня никаких денег". Он сам сухарьками питался и водой... И они его так избили, так избили – прям мертвый! – и ушли. И он все-таки не мертвый был, встал, встал... Тут пришли к нему...: "Ой, как избили! Ой, как преподобного избили! Давайте их вот этих наказывать! Давайте их на суд". А он им сказал: "Не надо, не подавайте никого на суд. Значит, я этого стою, значит, я этого стою. Ежели вы их накажете, я уйду и больше вы меня не увидите. Пускай всё заглохнет". И всё заглохло... И все эти мужики померли недоброй смертью, кременские вот. Ну, это я слыжала» (зап. в 2002 г. от Натальи Михайловны Корноуховой, 1912 г.р., с. Кошелиха Первомайского р-на; dvc 154).

В официальном житии Серафима Саровского реальное нападение на старца крепостных крестьян помещика Татищева, случившееся осенью 1804 г., объясняется в духе традиционного для житий испытания праведного героя дьяволом, вредящим святому не прямо, а посредством злых людей. Описывая отличную святого безропотность (он спокойно принимает удары) и физические страдания Серафима (окровавленный, он с трудом добирался до Саровской обители, теряет сон от боли, впадает в забытие), житие объясняет его исцеление явлением ему Богородицы, произнося-

¹⁵ См., например: [Максимов 1995, 598].

щей: «Этот нашего роду» [Денисов 1997, 93]. Мотив борьбы злых и праведных сил за душу святого человека, мотив смирения и чудесного исцеления – обязательные в жанре церковного жития. Однако рассказ об избииении Серафима Саровского всё же теряется в житии, уступая место описанию духовных подвигов (стоянию на камне, затворничеству, старчеству) и творимым им прижиженным и посмертным чудесам. Народные легенды, в первую очередь, акцентируют внимание на диалоге святого с разбойниками. Святой не уговаривает их, а объясняет им бесполезность визита к нему: «У меня ничего нет, акромя сухого хлеба-бушка»; «Нет у меня никакых денег». В разных вариантах и применительно к разным ситуациям народные рассказы подчеркивают предельную скромность и аскетизм быта Серафима Саровского: «Кто ему давал, так он их в монастырь отдавал. У него только была эта... книжка святая»; «Он сам сухарьками питался и водой»; «Он только рыбку наловит». Существенным для раскрытия образа святого оказывается мотив жалости к преступникам, возвышающий в глазах народа и без того любимого героя. Серафим не только прощает не наказывать злодеев, грозясь в этом случае навсегда уйти из обители, а даже усматривает в нападении на него свою вину: «Не надо, не подавайте никого на суд. Значит, я этого стою». Мотив кары небесной, красной нитью проходящий через весь религиозный прозаический фольклор¹⁶, становится в этом сюжете ведущим. Само наказание может описываться не как однократное (обычно наказанием служит пожар в домах разбойников или во всем селе), а как повторяющееся действие: «... Вот всё это поколение, говорят, им счастья нету. Это мне рассказывал один дяденька. Я его спрашивала, он говорит: "Как это поколение идет, им так счастья так и нет"» (зап. в 2001 г. от Марии Алексеевны Назаровой, 1928 г.р., с. Дивеево; dvc 054). Наказание преступникам следует не от пострадавшего героя (ведь всепрощение – отличительное качество любого святого), а от Бога. Традиционным выглядит и образ святого, жалеющего, оправдывающего и исцеляющего преступников: «Он их умывает святой водой – они прозрели, эти убийцы. Дает каждому по золотому...». А приметой «места преступления» и своеобразным памятником Серафиму служат вечнозеленые ку-

сты: «На том месте, где побили Серафима, выросли кусты, и они не толстеют, не тонеют, а всегда зеленые. Это в Сарове на Пустыньке» (зап. в 2001 г. от Пелагеи Григорьевны Самсоновой, 1914 г.р., с. Кременки Дивеевского р-на; dvc 008). Устойчивость в народной памяти историй об избииении Серафима обуславливается во многом тем, что в качестве обидчиков в рассказах фигурируют жители с. Кременки (ныне это село относится к Дивеевскому р-ну и находится недалеко от Сарова и Дивеева).

Картину лесной жизни святого продолжает отраженный и в житии, и в иконографии сюжет о стоянии на камне. Нерасчлененность в народном сознании представлений об отшельнической жизни Серафима Саровского часто приводит к контаминации в одном тексте сразу нескольких самостоятельных житийных микросюжетов: «Камень у него был большой, как бревно, он на нем малился. И отец Серафим на нем малился, и к нему подходит мишенька-медведь. У него были сухарики, и он это... кормил его» (зап. в 2001 г. от Зинаиды Ивановны Семеновы, 1918 г.р., с. Выездное Арзамасского р-на; ac 042); «Когда Серафим Саровский малился в своей келье в лесу, к нему приходил медведь и он его кормил. В форме медведя и камень (вырос. – Ю.Ш.): это задние ноги, это передние, вот голова» (зап. в 2001 г. от Веры Ивановны Фадеевой, 1933 г.р., с. Прибрежное Первомайского р-на; dvc 012). Самому стоянию героя на камне почти не уделяется внимания, оно описано скупно и неподробно, рассказчик выделяет лишь главные приметы этого подвига – его длительность (если официальное житие настаивает на тысячедневном подвиге старца, то в народной легенде уже число 40 осмыслено как огромная величина) и своеобразие внешнего вида камня, на котором остаются углубления от коленей¹⁷: «Я слышала, что батюшка Серафим там на камнях малился 40 дней, 40 ночей... Там даже ямочки остались, как столя на колесниках. Он сюда ходил, сюда на камушек...» (зап. в 1998 г. от Евдокии Васильевны Подставнягиной, 1932 г.р., Кутузовский скит, Кулебакский р-н; ФА ННГУ, колл. 62, ед. хр. 11, № 93).

Широкая известность житийной истории о стоянии Серафима на камне приводит к тому, что все каменные святыни юга области оказываются привязанными исключительно к его имени. Соотнесению камней, которые почи-

¹⁶ Здесь можно вспомнить и легенды о разрушителях церквей, и легенды, где герой наказывался за несоблюдение церковных праздников или данных Богу обетов и др.

¹⁷ О культовой стороне почитания серафимовых камней более подробно см.: [Шеваренкова 2004, 161–164].

таются местными жителями как святые, с образом преподобного Серафима¹⁸ способствует и такая деталь его духовного облика, как ношение камней в котомке за спиной. Эти камни символизировали ношение им на себе грехов человеческих и добровольное утяжеление собственного подвижнического пути: «*Такоже есть поверье: другие святые носят вериги, а Серафим Саровский носил сумочку, в ней – камешки. Он их раскладывал для памяти, и они росли. Эти камни – камни Серафима из той сумочки*» (зап. в 2001 г. от Зинаиды Григорьевны Акашевой, 1935 г.р., с. Прибрежное Первомайского р-на; dvc 012). Так формируется новая страница «устного жития», где святой выступает в роли «культурного героя», организатора местного религиозного пространства, и пророчливца, знающего о грядущих социальных катаклизмах и потому даже создающего следующим поколениям людей новые святыни взамен прежним: «*Камешки бросил он в фунт и сказал: "Все, миленькие, сюда придете ко мне". Камень большой – в землю врос... Он молился на этом камне 40 дней и ночей на коленках. Там отпечатки от коленок, и как он головой прислонялся*» (зап. в 2001 г. от анонима, с. Кошелиха Первомайского р-на; ac 015); «*Когда батюшка Серафим был после моления его тысячу дней и тысячу ночей на своем камне, он предвидел будущее, что вот этот камень... взорвет и разнесут на кусочки... И он сказал своему послушнику: "Отнеси эти два камня... будет время, когда доступна к камешку не будет, а будут приходить туда"...*» (зап. в 2001 г. от о. Павла Сергеевича Бугоркова, 1932 г.р., с. Кременки Первомайского р-на; dvc 077).

Если упоминание в книжном житии о стоянии Серафима Саровского на камне приводит к появлению различных вариантов устных легенд о многочисленных серафимовых камнях, то легенды об основании «батюшкой Серафимом» самой известной его святыни – Канавки в с. Дивеево – и из уст людей воцерковленных, и из уст простых крестьян практически во всех вариантах совпадают с их книжной версией: «*Канавка намечена Серафимом Саровским, он явился и увидел, как Божья Матерь там шла и обивала росу, и по ее следам он забил колышки. Разметил три аршина глубиной, три аршина шириной и благословил сестер вырыть*» (зап. в 2001 г. от Бориса Яков-

левича Егорова, 1934 г.р., с. Дивеево; dvc 079)¹⁹. В качестве этиологической легенды такие рассказы примыкают к циклу нарративов о Канавке. Их дополняют поверья о ее необычной силе, также перекочевавшие в устную традицию из книжной и опирающиеся на действительные пророчества самого святого: «*И когда враг придет, он через эту Канавку не перешагнет*» (зап. в 2001 г. от Бориса Яковлевича Егорова, 1934 г.р., с. Дивеево; dvc 079). Нахождение святыни непосредственно на территории женского монастыря, внимание к ней именно со стороны церкви, нетипичность ее для народной традиции (в отличие, скажем, от культа святых источников, камней или деревьев) сказывается и на отсутствии народных этиологических легенд о ней.

Доступность различных изданий жития Серафима Саровского в настоящее время называется на том, что в устной народной традиции фиксируются и прямые пересказы отдельных его эпизодов чудесного или притчевоего характера: «*Он же здесь бывал, жил в Сарове, а здесь часто в монастыре бывал. Раз летом вот, в Петровки, на лошадке приехал, на санях. А монашки: "Мы, – говорит, – умираем со смеху: «Отец Серафим, да Вы что, с ума сошли?» – «Вот посмотрим, кто с ума сошел». И вот такой снег пошел, вот в Петровки, столько снегу, – говорят, – насыпало! – «Ну, – говорит, – кто с ума сошел: я или вы?»». И поехал на санях...". Старенькие монашки – они всем говорили» (зап. в 2002 г. от Елены Федоровны Трифоновой, 1922 г.р., с. Дивеево; dvc 104); «*При его жизни-то пришли к нему дивеевские три монашки. И вот и говорит им: "Сейчас будем лук сажать...". Они лук посадили, а он и говорит: "Завтра приходите его копать". Они пришли к нему, начали лук выкапывать. Он говорит – поспел лук. А они думают: как поспел, вчера только посадили? Пришли – на самом деле лук вырос, и такой ароматный лук. Потом пошли они на дальнюю пустыньку, на родники ли. Он идет вперед, и они глядят – у батюшки Серафима какие ножки беленькие. Он повернулся, их пустил вперед, сам остался сзади. Он оглянулся, а он на целу метру от земли-то, он до земли ногами не доставал, шел как по воздуху, отец-то Серафим» (зап. в 2001 г. от Серафима Федоровича Забродина, 1929 г.р., п. Свободный Вознесенского р-на; dvc 004)²⁰.**

¹⁸ Эта связь прослеживается в в дивеевских поверьях о том, что, устраивая свою Канавку, Серафим Саровский обкладывает ее камнями, и в рассказах о том, что на камешках, которые берут из святых источников, часто виден лик преподобного.

¹⁹ Этот же эпизод описан в житии святого. См.: [Чичагов 1896, 232–234].

²⁰ О целебном луке старца см. в житии: [Чичагов 1896, 234]; о стоянии Серафима на воздухе см.: [Там же, 358].

Напрямую соотносятся с книжным первоисточником и рассказы о смерти Серафима Саровского. Они редки в фольклорной традиции края и почти в точности повторяют многие книжные детали и обстоятельства смерти старца²¹: «*Вот случился пожар у батюшки Серафима, когда он помирал. Упала свеча, загорелся холст у него какой-то. Пошел дым. И шел Павел, наследник его, опекун его. Подошел к крыльцу – дымам пахнет. И он сразу кричать. Отбили, он закрытый был, с петель сняли, зашли, а он уже мертвый, тело только тепленькое*» (зап. в 2001 г. от Анны Ивановны Кузнецовой, 1939 г.р., д. Куриха Вознесенского р-на; аудиозапись). Известно предсказание святого о том, что его смерть откроется пожаром. Умер преподобный коленопреклоненным у иконы.

Представленные здесь легенды показывают, что «фольклорное житие» Серафима Саровского развивается не обособленно от книжной традиции и во многих своих вариантах прямо или косвенно, отдельными деталями или целыми сюжетами отсылает нас к официальному житию святого, отражая частичное знание его биографии в народной среде. В современной устной фольклорной традиции юга Нижегородского края жизнеспособны и популярны прежде всего сюжеты, в которых выражено сочувственное отношение к Серафиму-человеку (ребенку, упавшему с колокольни; старику, избитому разбойниками или умершему в горящей избе); сюжеты, сопрягающие жизнь или слова святого с известными рассказчикам населенными пунктами и священными объектами края (нападение на святого разбойников из с. Кременки; рассказы о камнях, бытующие в Первомайском, Дивеевском и Кулебакском р-нах; этимологическая легенда об устроении Серафимом Канавки; заимствованные из книг предсказания святого о великом будущем Дивеева); сюжеты чудесного характера (о дружбе с медведем, о приезде Серафима летом в монастырь на санях, притча о луке). Основными факторами, способствующими формированию «народного жития» святого, можно назвать: (1) пребывание и деятельность его в данном крае, (2) наличие обширной литературы о нем и основанной им дивеевской женской общине (жития, летопись монастыря, литература о скитах дивеевского монастыря и природных святынях Серафима), (3) многообразная житийная иконописная традиция, связанная с именем святого, (4) наличие на юге Нижегородской обл. большого количества природных

святынь преподобного, как упоминаемых в его житии, так и появившихся после его смерти.

Мы сознательно ограничились только тем корпусом нижегородских легенд о Серафиме Саровском, которые соотносимы с его реальной биографией, не затронув многочисленных рассказов о посмертных чудесах святого. Являясь заключительной, но неотъемлемой частью любого официального жития святого, новомученика или блаженного, в нижегородском устном фольклорном житии Серафима Саровского они в количественном отношении перебивают биографические легенды о нем. Однако они не связаны с книжными текстами о посмертных чудесах Серафима, а потому их типология и сюжетика, функциональная и художественная специфика заслуживают отдельного рассмотрения.

Литература

- Денисов 1904 – Денисов Л.И. Житие, подвиги, чудеса, духовные наставления... Преподобного и Богоносного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца... М., 1904.
- Денисов 1997 – Денисов Л.И. Житие Преподобного Серафима, Саровского чудотворца. Изд-во Московской патриархии, 1997.
- Дмитриев 1903 – Дмитриев Д.С. Старец Серафим. Пустынник и затворник Саровской обители. М., 1903.
- Дмитриев 1972 – Дмитриев Л.А. Жанр севернорусских житий // ТОДРЛ: История жанров в русской литературе X – XVII вв. Л., 1972. Т. 27. С. 181–202.
- Елагин 1863 – Елагин М. Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. СПб., 1863.
- Корепова 2004 – Корепова К.Е. Серафим Саровский в традиционной культуре // Этнопозитика и традиция. К 70-летию чл.-корр. РАН В.М. Гацака. М., 2004. С. 198–204.
- Максимов 1995 – Максимов С.В. Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск, 1995.
- Мороз 2001 – Мороз А.Б. Народная агиография Каргополя // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2004. Вып. 3. С. 43–61.
- Поселянин 1908 – Поселянин Е. Преподобный Серафим, Саровский Чудотворец. СПб., 1908.
- Фадеева 2002 – Фадеева Л.В. Книга как источник народного жития святого праведного Иоанна Кронштадтского // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2002. [Вып. 1]. С. 43–53.
- Чичагов 1896 – Серафим (Леонид Чичагов). Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губернии Ардаговского уезда с жизнеописанием основателей ее: Преподобного Серафима и схимонахини Александры, уржд. А.С. Мельгуновой. М., 1896.
- Шеваренкова 1998 – Шеваренкова Ю.М. Нижегородские христианские легенды. Н. Новгород, 1998.
- Шеваренкова 2004 – Шеваренкова Ю.М. Исследования в области русской фольклорной легенды. Н. Новгород, 2004.

²¹ Житийное описание смерти преподобного см.: [Денисов 1997, 401–403].